

— Да, братъ мой,—тихо промолвилъ инокъ,—Богъ тебѣ открылъ правду: я великій грѣшникъ. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, не бродилъ-бы я по этому рынку, не скитался-бы между мірскими людьми, а сидѣлъ-бы въ своей кельѣ... Прости меня, грѣшнаго, Бога ради... Правду открылъ ты мнѣ, и виноватъ я...

Слышавшіе этотъ отвѣтъ, полный христіанскаго смиренія, изумились.

А монахъ, низко поклонившись обидчикъ, медленно удалялся.

Поднялся цѣлый гулъ голосовъ:

— За что ты его обидѣлъ?

— Инокъ добрый!

— Истинный христіанинъ!

Смиренный отвѣтъ обиженнаго подѣйствовалъ на обидчика болѣе, чѣмъ могъ-бы сдѣлать рѣзкій отпоръ. Имъ овладѣло горячее раскаяніе..

Онъ бросился за инокомъ и, цѣлуя полу его одежды, заговорилъ:

— Прости, отче! Бога ради прости меня, грѣшководника.

— Меня прости, братъ мой, меня за недостойность мою, а тебя Господь простить.

Этотъ обиженный былъ монахъ старицкаго Богородскаго монастыря именемъ Діонисій.

Достоинства Діонисія, его умъ, начитанность въ Священномъ Писаніи, истинно - христіанская жизнь, скромность и незлобіе скоро выдвинули его изъ среды другихъ иноковъ, и онъ вскорѣ былъ сдѣланъ архимандритомъ того-же Богородскаго монастыря.

Съ этого времени началась его широкая и глубоко полезная общественная дѣятельность.

Въ людяхъ шель разладъ и шатость; царь Василій Шуйскій былъ нелюбимъ; многіе хотѣли его удаленія. Въ дѣлѣ увѣщанія мятежниковъ, въ дѣлѣ призыва къ миру и прекращеніи розни Діонисій явился правой рукой патріарха Гермогена.

— Смотрите на Старицкаго архимандрита,—говоривалъ патріархъ другимъ представителямъ высшаго духовенства,—никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается: на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ *).

Высказывая на царскихъ соборахъ, т. е. совѣщаніяхъ, открыто свое мнѣніе, можно было нажать сильныхъ враговъ, а говорить на „всемірныхъ соборахъ“, подъ которыми патріархъ подразумѣвалъ тѣ буйныя скопища народа, гдѣ противники Шуйскаго требовали его сверженія, было прямо-таки опасно для жизни. Неудивительно, что многіе, боясь нажать себѣ враговъ, старались уклониться какъ отъ „царскихъ“, такъ и отъ „всемірныхъ соборовъ“.

Но Діонисій не уклонялся.

И сколько разъ стоялъ онъ на лобномъ мѣстѣ, окруженный озлобленной толпой, готовый кинуться и смять его, и громкимъ голосомъ, смотря яснымъ взглядомъ на взбѣшенныхъ противниковъ, говорилъ, что у избраннаго царя можетъ отнять власть только Богъ, что они затѣяли не правое и грѣшное дѣло, что надо заботиться, чтобы на Руси настало успокоеніе, а не заводить новыя смуты.

Въ отвѣтъ онъ слышалъ угрозы и брань, въ него, случалось, летѣли комья грязи и камни, но онъ ничего не страшился и продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ требовали долгъ и совѣсть.

Въ самый разгаръ великой смуты, охватившей Русь, Діонисій былъ переведенъ архимандритомъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, только что побѣдоносно отбившую полчища Сапѣги.

Вокругъ монастыря повсюду кипѣли бои, лилась кровь; не проходило ночи, чтобы небо тамъ и сямъ

*) Передаю исторически вѣрно.

не алѣло заревоиъ горящихъ деревень, гдѣ свирѣпствовали казаки-, сапѣжинцы“...

Это было время ужаса, время гнѣва Господня.

Толпы бѣглецовъ стекались въ Лавру. Страшный видъ представляли они: одни были искалѣчены, обожжены, у другихъ вырѣзаны изъ спины ремни, у третьихъ содраны волосы съ головы... Многіе прибѣгали въ Лавру только для того, чтобы приобщиться Св. Таинъ и умереть. Монастырь, дороги къ нему и окрестныя деревни были полны умирающими и мертвецами.

Архимандритъ не могъ остаться равнодушнымъ къ зрѣлищу невѣроятныхъ мученій и горя. Онъ собралъ всю монастырскую братію, даже слугъ и крестьянъ монастырскихъ, и сказалъ горячее слово. Онъ говорилъ, что нельзя отвергать несчастныхъ, прибѣгающихъ подъ защиту святого Сергія, что надо собрать всѣ силы, всѣ средства и помочь имъ.

Ему отвѣчали:

— Кто, государь архимандритъ, съ разумомъ въ такой бѣдѣ соберется? Всѣ головы потеряли. Никому невозможно стало промышлять, кромѣ Единаго Бога.

Діонисій заплакалъ и продолжалъ говорить:

— Вѣдь это искушеніе намъ отъ Господа Бога... Отъ большой осады насъ Господь Богъ избавилъ, а теперь за лѣность нашу да за скупость можетъ насъ и безъ осады смирить и скорби исполнить.

— Но что-же намъ дѣлать?— спросили его.

— Что дѣлать!— воскликнулъ архимандритъ, выпрямившись во весь ростъ, съ вдохновеннымъ лицомъ и блестящимъ взглядомъ.—Что дѣлать? Домъ Святой Троицы не запустѣетъ, если станемъ молиться Богу, чтобы далъ намъ разумъ, только положимъ на томъ, чтобы всякій промышлялъ, чѣмъ можетъ, а не сидѣлъ сложа руки. Твори помощь каждый по силамъ своимъ!

Пошелъ глухой говоръ. Слуги монастырскіе и кре

стьяне, перемолвившись между собой, отвѣтили архимандриту съ братіей:

— Ежели вы, государи, будете изъ монастырской казны давать бѣднымъ на кормъ, одежду, леченье и работникамъ, которые возьмутся стряпать, служить, лечить, собирать и погребать, то мы за головы свои и за животъ не стоимъ.

Закипѣла дружная, благотворная работа. Начали строить дома и больницы для раненыхъ, избы для страннопріимства всякихъ чиновъ людей, прибѣгавшихъ въ монастырь изъ Москвы и другихъ городовъ; монастырскіе люди ѣздили по деревнямъ и дорогамъ, подбирали раненыхъ и мертвыхъ; женщины, нашедшія пріютъ въ лаврѣ, непрерывно шили рубахи живымъ, саваны—мертвымъ.

Душою всего былъ архимандритъ Діонисій. Онъ поспѣвалъ всюду и вездѣ, ободрялъ, увѣщевалъ и еще находилъ время отдаваться другому великому дѣлу: сердце его скорбѣло за разоренную, страдающую родину; онъ взывалъ къ согражданамъ, чтобы сплотились, постояли за Святую Русь, за православную вѣру; въ его кельѣ сидѣли „борзые писцы“, составляли посланія, вдохновителемъ которыхъ былъ Діонисій, и изъ монастыря во все концы русской земли летѣли вдохновенныя грамоты.

И всюду онѣ поднимали, спланивали народъ постоять за отчизну и вѣру.

Почва къ народному движенію была готова, надобенъ былъ только толчокъ.

Починъ, какъ извѣстно, сдѣлали нижегородцы.

Настали тихіе дни послѣ недавней бури. Жизнь монастырская вошла въ колею; великія тяготы и заботы миновали, но... начались мелкія дразги, мелкая будничная борьба.

Діонисій, мощный борецъ во время борьбы великой, былъ безсиленъ противъ мелочныхъ бореній;

онъ отстранялся отъ нихъ, считалъ дѣломъ недостойнымъ.

Но иначе смотрѣли другіе. Недавніе труженики на пользу Русской земли стали обычными, заурядными людьми, и закипѣла зависть, злоба, насиліе, вспыхнула алчность и тщеславіе.

Великимъ страдальцемъ въ этой борьбѣ былъ христіанскій-смиренный архимандритъ Діонисій.

Передача того, что онъ претерпѣлъ отъ злобы недостойныхъ враговъ, и послужить дальнѣйшимъ содержаніемъ нашего повѣствованія.

II. Новый инокъ.

Былъ ясный іюньскій день 1618 года.

Въ усадьбѣ стольника Ивана Петровича Лопаты-Юрѣва, что раскинулась неподалеку отъ Москвы, по дорогѣ къ Троицко-Сергіевой лаврѣ, не было обычнаго оживленія.

Въ господскомъ домѣ окна были закрыты, и царила въ немъ странная, напряженная тишина. Слуги ходили неслышно, какъ тѣни, и, толпясь въ сѣняхъ, говорили шепотомъ. Когда кто-нибудь изъ челядинцевъ спускался по лѣстницѣ, ведущей изъ сѣней въ горницы терема, всѣ взгляды обращались на него, и сыпались вопросы:

— Ну что, какъ?

— Полегчало-ли сердешной?

Отвѣтъ слѣдовалъ неуспокоительный.

— Нѣтъ, плохо... Уже соборовали.

Слышались вздохи и возгласы сожалѣнія:

— Видно, взять къ себѣ хочетъ Господь нашего ангела.

Дѣйствительно, часы жены хозяина дома, Марьи Гавриловны,—которую за ея доброту дворянъ звала не иначе, какъ ангеломъ,—казалось были сочтены.

Она лежала въ одной изъ комнатъ терема, раз-
метавшись на постели; гуся были полуоткрыты, грудь
вздымалась медленно и неровно.

Окна были завѣшены, и въ комнатѣ, озаренной
только пламенемъ лампадъ и свѣтомъ нѣсколькихъ
тоненькихъ, восковыхъ свѣчъ было полутемно.

Священникъ, только-что окончивъ обрядъ соборо-
ванія, медленно снималъ эпитрахиль, грустно смотря
на умиравшую.

У изголовья постели стоялъ на колѣняхъ столъ-
никъ Иванъ Петровичъ; рядомъ съ нимъ, также ко-
лѣнопреклоненный, сынъ его Никита, молодой чело-
вѣкъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ.

Глубокая печаль выражалась на ихъ лицахъ. Юноша
тихо всхлипывалъ. По морщинистымъ щекамъ отца
его медленно скатывались тяжелыя капли слезъ и па-
дали на сильно тронутую просѣдью бороду; вся его
фигура—мощная, плотная—точно согнулась подъ не-
посильнымъ бременемъ.

Умиравшая полуоткрыла глаза.

— Умираю...—тихо прошептала она.—Зоветь Гос-
подь...

— Машенька! благослови Никиту, — промолвилъ
Иванъ Петровичъ.

Рука Марьи Гавриловны шевельнулась и упала
безсильно.

Мужъ взялъ ея руку и помогъ перекрестить сына.

— Прощайте... Молитесь!..

Вдругъ глаза ея открылись и снова плотно сме-
жились. Изъ груди вылетѣлъ глубокий вздохъ. Тѣло
вытянулось.

Священникъ открылъ требникъ, и зазвучали слова
отходной.

Никита беззвучно рыдалъ. Иванъ Петровичъ пла-
калъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ.

По дому разнеслась вѣсть, что „ангела“ не стало.

Держать долго дома покойника въ тѣ времена было не въ обычаѣ: Марью Гавриловну похоронили на другой-же день.

Стоя съ поникшей головой надъ свѣжей могилой, старикъ Лопата-Юрьевъ сказалъ сыну:

— Тебѣ, Никитушка, надо жить: твоя жизнь впереди, а мнѣ пора на покой. Тридцать лѣтъ я съ нею, съ голубушкой, душа въ душу прожилъ... Теперь не стало ея, и ничего мнѣ въ семъ мірѣ не осталось, какъ только молиться за нее... Жизнь моя прожита, и нечего мнѣ съ мірскими людьми дѣлать... Отдамъ я тебѣ все свое имѣнье—владѣй всѣмъ добромъ и хозяйствуй... Себѣ я только на вкладъ въ монастырь возьму, и укроюсь я отъ міра въ обители, приму ангельскій чинъ...

Сынъ пытался отговаривать отца, но старикъ стоялъ на своемъ; волей-неволей пришлось Никитѣ покориться.

Мѣстомъ своего убѣжища Лопата-Юрьевъ избралъ Троицко-Сергіеву лавру, съ архимандритомъ которой былъ знакомъ.

Въ нѣсколько недѣль Иванъ Петровичъ привелъ въ порядокъ дѣла, передалъ все имущество во владѣніе сына и, когда всѣ хлопоты были закончены, промолвилъ съ облегченнымъ вздохомъ:

— Ну, теперь покончено съ міромъ; пора въ тихую пристань!

Было раннее лѣтнее утро, когда настало время отъѣзда Ивана Петровича въ обитель иноковъ.

Бояринъ вышелъ на башеньку-смотрѣльную своего дома и въ послѣдній разъ оглянулъ родныя мѣста.

И грустно, и свѣтло было на его душѣ.

Вонъ тамъ скрытый бѣлой полосой тумана оврагъ. Какъ часто онъ, мальчикомъ, игралъ въ немъ, изображая со своими товарищами татарскую засаду, поджидающую московскую рать.

А эта рать наступала на оврагъ, грозная и воинственная, въ составѣ всего четырехъ босоногихъ мальчугановъ.

Дальше темнѣетъ сельцо, наполовину разоренное въ недавнее смутное время, сверкаетъ крестъ на колокольнѣ церкви, построенной вмѣсто прежней, сожженной ляхами...

Все здѣсь такъ знакомо, такъ онъ сжился со всѣмъ этимъ!

Но жизнь прожита. Далъ ему Господь много радостей... Бывало, конечно, и горе... Пора поблагодарить Бога и достойно провести остатокъ дней.

Внизу, на дворѣ, у крыльца уже толпились крестьяне, пришедшіе проститься съ уѣзжавшимъ бояриномъ. Нѣсколько дворовыхъ запрягали тройку лошадей.

— Пора собираться,—прошепталъ Иванъ Петровичъ и спустился въ комнаты.

Тамъ онъ встрѣтилъ сына. Молодой человѣкъ былъ печаленъ и задумчивъ.

— Тоскуешь, Никитушка?—ласково спросилъ его отецъ.—Не надобно: ѣду свершать великое, святое дѣло... Молись лучше, чтобы Господь подкрѣпилъ меня въ трудахъ иноческихъ. Сядемъ-ка, потолкуемъ передъ разлукой.

Они сѣли, и Иванъ Петровичъ повелъ тихую бесѣду. Онъ наставлялъ сына быть честнымъ, благочестивымъ, любить ближнихъ, не обижать и не тѣснить крестьянъ.

— Покидаю я тебя, но ты не останешься одинъ: Христосъ твой учитель и наставникъ. Въ словѣ Божіемъ найдешь всегда указаніе, если духъ твой колеблется,—закончилъ свою бесѣду отецъ.

Потомъ обнялъ и благословилъ сына.

Солнце уже довольно высоко поднялось, и пора было трогаться въ путь.

Поспѣшно закончили послѣдніе сборы. Старикъ

попрощался съ крестьянами и дворовыми и сѣлъ „въ возокъ“ вмѣстѣ съ сыномъ, который настоялъ на томъ, чтобы сопровождать его.

Черезъ нѣсколько минутъ тройка уже быстро несла легкую телѣжку по мягкой, еще влажной отъ росы дорогѣ.

Въ лавру пріѣхали къ началу ранней обѣднѣ, которую служилъ въ соборномъ храмѣ самъ архимандритъ Діонисій.

Медленно, съ глубокимъ благоговѣніемъ совершалъ богослуженіе архимандритъ; видно было, что онъ весь отдается молитвѣ, не отвлекаясь никакими суетными мыслями, всею душою воспаряя къ престолу Божію.

Къ сожалѣнію, не всѣ слѣдовали его примѣру.

Старый Лопата-Юрьевъ, при всемъ желаніи углубиться въ молитву, не могъ не обратить вниманія на двухъ монаховъ. Одинъ изъ нихъ, очень старый, но еще бодрый, съ сухимъ жесткимъ лицомъ, нахмуренными сѣдыми бровями, молился съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ дѣлаетъ этимъ милость Господу Богу; въ поворотѣ головы было что-то надменное, даже дерзкое.

Другой, значительно болѣе молодой, удивительно звучнымъ и пріятнымъ голосомъ пѣлъ положенныя по чину литургіи молитвы, но дѣлалъ это лѣниво, небрежно.

Иванъ Петровичъ, находясь въ Троицкой лаврѣ во время осады ея Сапѣгой, зналъ ихъ,—первый былъ уставщикъ Филаретъ, а второй головщикъ Логгинъ,—но тогда они не выдѣлялись изъ числа монастырской братіи, а теперь въ поведеніи того и другого сказывалось что-то странное: они какъ будто намѣренно держали себя такъ. Онъ подмѣтилъ тоже, что они оба кидали враждебные взгляды на архимандрита.

По окончаніи обѣдни отецъ и сынъ Юрьевы подошли къ Діонисію подѣ благословеніе, и Иванъ Петровичъ проговорилъ:

— Поговорить мнѣ надо съ тобою, отче.

— А поди ко мнѣ въ келейку, тамъ и потолкуемъ. . Я сейчасъ приду.

Юрьевы сдѣлали, какъ онъ сказалъ. Келья архимандрита состояла изъ нѣсколькихъ очень скромно убранныхъ комнатъ; только оклады иконъ были богато украшены драгоценными камнями.

Архимандритъ не замедлилъ придти.

— Ну, что скажешь, Иванъ Петровичъ?—спросилъ Діонисій, усадивъ гостей и самъ сѣвъ. — Слыхалъ я, горе у тебя: жена приказала долго жить.

— Да, умерла моя голубка. А поговорить я хочу вотъ о чемъ, отче... Тяжела мнѣ мірская суета, хочу уйти изъ нея: благослови меня къ себѣ въ обитель въ иночество.

— Подумай, Иванъ Петровичъ—дѣло, вѣдь, не малое. Не потянетъ-ли міръ?

— Нѣтъ, отче, не потянетъ.

— А разлука съ сыномъ не тяжка?

— Сынъ ужъ въ возрастѣ, себя въ обиду не дастъ.

Ему жить, мнѣ—грѣхи замаливать.

— Молить Господа въ тишинѣ обительской, что говорить, сладость великая... А только найдешь-ли ты ту тишину, коей ищешь? Вѣдь иноки тоже люди, и они не безъ грѣха...

Діонисій вздохнулъ и примолкъ. Его прекрасное лицо, обрамленное начинающей сѣдѣть бородой, на мгновеніе затуманилось. Но онъ быстро овладѣлъ собой и продолжалъ:

— Благословить я тебя не прочь, но... не спѣши. Поживи въ обители недѣльку-другую. Не раздумаешь — свершимъ постригъ.

Потомъ обратился къ Никитѣ, бывшему молчаливымъ свидѣтелемъ ихъ разговора, и сказалъ:

— Что, Никитушка, скучать безъ батюшки станешь?